РАЗДЕЛ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

В конце 1932 года, когда мы уже доели последние овощи и хлеб, до окрестных сёл дошёл слух, что в райцентре открылись специальные магазины, в которых полным-полно всего, чего хочешь. Поговаривали, что там можно купить даже заграничные товары. Но увы! Мы также узнали, что единственной платой за эти товары была иностранная валюта или – в любом виде и количестве – золото или серебро.

С каждым днём в наше село поступало всё больше и больше информации об этих магазинах. Они назывались "торгсин", это было сокращением русских слов "торговля с иностранцами". В них продавалось всё, что нужно для жизни: пищевые продукты, товары повседневного употребления, одежда, лекарства и так далее.

Мы знали, что "торгсины" существовали уже долго, но только в больших городах, где живёт много иностранцев. А теперь эти магазины приблизились и к нам. Но на этот раз, какими бы недогадливыми мы не были, но всё же поняли, почему так поступила советская власть. С помощью этих магазинов преследовалась цель вытянуть из нас последние остатки золота и серебра, у кого они были. Режим был очень падок на такие семейные драгоценности, как крестики, иконки, женские серьги, кольца, часы и всё прочее, что могло содержать в себе хоть немного драгоценных металлов. Подозревая, что у крестьян все еще имеются дореволюционные золотые и серебряные монеты, большевистские власти решили загрести их себе. Из поколения в поколение в семьях собирались такие сокровища, как серебряные чайники, конфетницы, горшочки для сливок, солонки и прочие мелочи из серебра. Была и мода среди сельских

молодых женщин украшать золотой коронкой один из передних верхних зубов, даже без особенной на то надобности. И эти коронки захотело государство.

Голод достиг того, чего не смогли достичь все декреты и угрозы. Остатки изделий из драгоценных металлов, как бы мало их не было, доставались и выкапывались из различных тайников. Ведь они стали единственным средством спасения от голодной смерти!

Тогда каждый мечтал иметь что-нибудь золотое — оно стало синонимом самой жизни. Только представить себе: за золото можно купить хлеба!.. Даже мы, простые крестьяне, могли купить себе хлеба, причем сколько угодно, только бы иметь это чудодейственное золото. Проблема только в том, как и где его раздобыть. У некоторых из нас немного было, но большинство этого золота и в глаза не видели.

По мере того, как слух об этом сказочном "торгсиновском" магазине разошёлся, до нас стали доходить и жуткие истории о грабежах и убийствах. Каждый, кто открыто носил золотые украшения или имел золотую коронку на зубе, играл со смертью. Убийства за пару серёжек, за перстень или за что-либо ещё, сделанное из золота или из чего-то похожего на золото, вскоре стали обычным явлением. Одна девушка потеряла палец вместе с перстнем, когда грабитель, не сумев снять золотой перстень, просто отрезал ей палец. Бандиты, вооружённые клещами, насильно вырывали зубы у тех, кто имел золотые коронки. Эти преступления удручающе действовали на нас.

Вследствие золотой лихорадки наше сельское кладбище было полностью разорено. Наше село было очень старым, оно восходило к шестнадцатому веку. За свои триста, а то и больше лет кладбище было местом захоронения людей разных социальных слоёв: как простых крестьян, так и влиятельных и богатых. По нашему обычаю, покойников хоронили со всеми их личными вещами — такими как драгоценные украшения, оружие и нательные крестики. И вот теперь раскапывались могилы и из них доставали все драгоценности, какие там были. Сначала эти грабежи могил совершались тайно, ночью, а вскоре уже и открыто, среди бела дня. Да, собственно, не было и необходимости скрывать это ужасное преступление, ведь вла-

сти не имели ничего против мародёрства на могилах. Насколько мне известно, никого и никогда не наказали за такое преступление. Кладбища, как-никак, считались частицей религиозной традиции, которую коммунисты задались целью уничтожить. Наше кладбище, так же как и церковь и единоличные хозяйства, было обречено на уничтожение, так что власть смотрела сквозь пальцы на разграбление могил и мирилась с ним, хоть и не поощряла это.

Нередко останки покойников после раскопок могил так и валялись под открытым небом. По всему кладбищу виднелись разбросанные человеческие черепа и кости, а могилы, которые до сих пор были их последним прибежищем, были разрыты и от них оставались лишь пустые зияющие ямы. Даже деревянные кресты с могил люди забрали и употребили на дрова.

Но это разграбление кладбища обернулось и на своего рода пользу: открытые могилы вскоре приняли новые тела — жертвы голодной смерти. Это был причудливо счастливый поворот судьбы, ведь голодающим крестьянам было уже не по силам выкапывать свежие ямы для своих умерших родственников или соседей. А так им оставалось только дотащить тела покойников до кладбища и опустить их в пустые разграбленные могилы.

Было несколько крестьян, которые держали в тайниках кое-что из драгоценных металлов и теперь могли осуществить свою мечту — выменять их на продукты. Среди этих счастливцев случилось быть и нам. В один из вечеров мама поделилась с нами секретом: у неё было два золотых дуката. Это был ей подарок от родителей, когда она была ещё незамужем, каких-то полстолетия тому, то есть больше чем за тридцать лет до октябрьской революции. Тогда была мода у молодых девушек носить украшения из золотых монет. Мама уже не носила эти свои самые дорогие украшения, но берегла и припрятывала их про запас на чёрный день. Даже мы, её дети, не знали, что они у неё есть. А теперь мы оказались в страшной нужде. Голод в то время доходил до своего апогея, и чтобы остаться в живых, нам нужно было любой ценой раздобыть где-то продукты. Мать спросила нас — она всегда так поступала в серьёзных вопросах — как, по нашему мнению, лучше использовать эти дукаты. Мы единодушно согласились, что один из них нужно отнести в ближайший

"торгсин" в райцентре. И решили отправиться в это путешествие как можно скорее, пока снега ещё не совсем отделили наше село от мира. Позднее, когда зима разгуляется в полную силу, выбраться из села будет вообще невозможно.

Однажды утром, в конце января 33-го года, ещё до рассвета, мать и я отправились по главной улице через всё село, чтобы выйти затем на основную дорогу, которая вела к самому райцентру.

Это было незабываемое путешествие. Вскоре взошло солнце во всём своём сияющем великолепии на необозримом голубом небе, а белый снежный покров так и искрился от его ярких лучей. Пейзаж был тихий и спокойный. Мы не встретили ничего живого: не было ни птиц, ни котов, ни собак, ни даже их следов на снегу, которые бы свидетельствовали о жизни вокруг. И не встретили ни одного живого человека. Меня охватило странное чувство, будто мы и вправду проходили действительно через какое-то мёртвое царство.

Единственным признаком, что люди ещё живы, был отдаленный дым из труб. Однако немногие хаты посылали этот сигнал. Большинство из них, погребённые под глубокими снежными заносами, представляли из себя чудовищное зрелище жителей, в ужасных муках умирающих от голода.

Но уже вскоре, когда мы медленно брели по снегу к центру села, нам стали попадаться явные признаки голодной смерти. Мы заметили что-то чёрное, издалека похожее на припорошенный снегом ствол. Подойдя ближе, мы увидели, что это был человеческий труп. Закостеневшие руки и ноги мертвеца, торчащие из-под снега, придавали ему вид какого-то чудовища. Я нагнулся и смёл снег с лица трупа. Оказалось, что это Улас, наш старичок-сосед, которого в последний раз мы видели примерно месяц тому.

Через несколько шагов нам попалось ещё одно замёрзшее, как камень, тело. Это был труп женщины. Когда я смёл с неё снег, у меня от ужаса застыла кровь: покойница под рваным кожухом закостеневшими руками прижимала к груди замёрзшее тельце младенца.

Наконец мы прошли село и оказались на дороге, ведущей к райцентру. А здесь перед нами открылась другая ужасающая

панорама. Справа вдоль всей дороги лежали трупы крестьян, которые, видимо, пытались дойти до города в поисках работы и куска хлеба. Обессилевшие от голода, они не могли туда дойти и в конце концов ложились или падали возле дороги, чтобы уже никогда не встать. Лёгкий снежок милосердно прикрыл их тела белым покрывалом.

Нетрудно было догадаться, что пришлось испытать тем людям, чьи трупы лежали слева от дороги. Скорее всего, они возвращались из районного центра домой, так ничего и не добившись. Они только напрасно прошли столько километров туда, и то лишь затем, чтобы им отказали в работе и возможности остаться в живых. Они возвращались домой с пустыми руками. Смерть догоняла их, когда они ползли домой, смирившись с тем, что хотя бы умрут в своём селе.

Раздольные колхозные поля, простиравшиеся на много километров вдоль дороги, напоминали место побоища времён большой войны. Они были усеяны трупами крестьян, которые умерли от голода, перекапывая старые картофельные поля в надежде найти хоть полкартофелины, неувиденной или брошенной во время уборки. Люди умирали там, где падали без сил в бесконечных поисках пищи. Некоторые замёрзшие покойники лежали там, наверное, уже месяцами. Никто не торопился вывезти их отсюда и похоронить.

Нам очень тяжело давались эти восемь километров расстояния до райцентра. Когда мы вышли из нашего села, с севера поднялся холодный ветер, а на горизонте показались тучи. Тяжело было, особенно матери, идти против ветра, но мы упорствовали и примерно после шести часов состязания с ветром и снежными заносами добрались наконец до окраины райцентра. Здесь нас ожидало ещё одно ужасное зрелище.

Райцентр тогда ещё не имел канализации, и все нечистоты собирала специальная санитарная бригада, как обычно, ночью. Для нечистот, которые вывозили в бочках конными подводами, не было выкопано специальной свалки. Бочки обычно опорожняли, выехав за город, прямо возле дороги. Было похоже, что дорога от нашего села к райцентру особенно понравилась возчикам этих бочек, потому что значительный отрезок дороги с обеих сторон был покрыт толстым слоем отходов. Даже в нор-

мальные времена такое зрелище было чрезвычайно противным и неприятным само по себе, но мы уже к этому привыкли. Теперь же, когда мы медленно плелись вдоль этой загаженной дороги, у нас аж кишки выворачивало. Среди этих канализационных нечистот там и сям виднелись замёрзшие трупы. Они лежали поодиночке или группами, а то и целыми кучами, будто остатки каких-то развалин. Некоторые были припорошены снегом, и только их руки и ноги торчали из сугроба, других затопили недавно вылитые нечистоты. Не раз попадались трупы матерей, всё ещё прижимающих младенцев к груди под полами домотканых сермяг.

Все эти мёртвые — были хлеборобы из окружающих сёл и их семьи, и все — жертвы голодной смерти. Лишённые всех средств к существованию, эти хлеборобы единственным выходом для себя видели бегство в город, где надеялись найти какую-нибудь работу, какой-то прокорм, какую-то помощь. Не обращая внимания на запрет покидать свои сёла, они толпами шли в райцентр, увеличивая количество его населения и досаждая горожанам и руководству города. Они появлялись на порогах жилищ, моля о куске хлеба или хотя бы картофельных очистках, но напрасно. Горожане с их мизерными продуктовыми пайками не могли дать крестьянам достаточно еды, чтобы спасти их от голодной смерти. Этих вынужденных бродяг было слишком много. Они стояли или лежали на тротуарах, на базарах, на железнодорожных станциях, под заборами, во дворах, в канавах по обе стороны улиц и дорог. Они стали таким обычным явлением, что горожане обходили их, равнодушные к ним и к их мольбам. Вот так, впустую перепробовав всё и потыкавшись во все углы, крестьяне со своими семьями наконец сталкивались с неминуемой голодной смертью. А их трупы, будто принесённые наводнением дрова, по многу дней валялись под ногами, и никому до них не было дела.

Часто милиционеры, как скотину, сгоняли голодающих в большие стада, выпроваживали их за город и оставляли там на произвол судьбы. А мёртвых и полуживых, уже неспособных ходить, бросали на машины или конные подводы и вывозили — тоже куда-нибудь за город. Там их сбрасывали в овраги или вдоль дорог, словно нечистоты. Неужели эти люди не заслужи-

ли хотя бы каких-то похорон на кладбище, пусть даже в братских могилах?

Когда мы с мамой добрели наконец до "торгсина", возле него уже собралась большая толпа голодных людей. А улицы вокруг были заполнены худыми, как скелеты, или наоборот — опухшими человеческими созданиями, которые опирались на стены и телеграфные столбы или лежали на тротуарах и в канавах. Они терпеливо ждали, а вдруг какие-нибудь милосердные покупатели поделятся с ними чем-нибудь из своих покупок. Были и такие, которые громко просили подаяния с криком и плачем, а другие лишь протягивали руки, тихо и безмолвно. То там, то сям среди толпы мы увидели неподвижные тела мёртвых, на которых никто не обращал ни малейшего внимания.

Возле входа в "торгсин" нам сказали, что все покупатели должны сначала пойти в контору через улицу, где сделают оценку их ценностей. Когда мы нашли эту контору, там нам объяснили к кому именно следует обращаться. Соответственный служащий, полный мужичина за зарешётчаным оконцем, даже не посмотрев на нас, взял мамин дукат, быстренько взвесил его и небрежно бросил в ящичек. Потом он дал нам анкету. В ней нужно было записать свою фамилию, адрес и какую именно ценность мы сдаём. После этого мы получили расписку на ту сумму, на какую имели право набрать товар: ровно на 18 рублей. Потом ещё один час нам пришлось простоять в очереди перед входом в "торгсин". И вот мы наконец оказались внутри.

Вот это было зрелище! Я будто попал в волшебный сон и просто глазам своим не верил. Здесь было всё, что нам было нужно и даже больше того. Здесь были вещи, о которых мы никогда в жизни не слышали и не видели их. Здесь лежали продуктовые товары, о которых я знал только из прочитанных книжек. Все товары были заманчиво разложены и выставлены в застеклённых прилавках. У меня голова начала кружиться, когда я смотрел на такой роскошный выбор продуктов. Ведь несколько месяцев подряд я даже обычной еды не видел! Я уже и вкус настоящего хлеба забыл. А теперь, куда ни посмотрю, всюду полно этих роскошных съедобных вещей.

Меня даже острая боль резанула от голода, и я едва смог устоять на ногах. Дикий голод точил мне желудок, а в горле сда-

вило так, будто кто-то руками сжимал и выкручивал шею. В этих своих муках я уже чуть было громко не расплакался, но вдруг почувствовал у себя на плечах мамины руки. Она поняла моё эмоциональное состояние. Видимо, и она чувствовала себя так же. Когда я посмотрел на неё, она улыбнулась и сказала: "Имей хоть немного гордости, сынок!" Эти её слова успокоили меня и придали силы преодолеть приступ физической слабости.

Мы решили покупать лишь самые важные и нужные продукты, поэтому, когда подошла наша очередь возле прилавка, быстро, без лишних колебаний и дёрганий выбрали то, что нам было нужно. Мы купили масла, солонины, смальца, две буханки хлеба, сахара и ещё несколько разных товаров – ровно на 18 рублей. Большая часть всего этого добра была хорошо упакована в жестянках, коробках или мешочках. К нашему удивлению оказалось, что на всех этикетках была надпись по-английски "Сделано в СССР", то есть все эти товары были предназначены для иностранного рынка.

Покончив с покупками, мы, стараясь не привлекать к себе внимание, вышли из магазина и отправились в обратный путь. Мы не боялись нападения грабителей средь бела дня, ведь мы были такие же, как и остальные голодные крестьяне, да и выглядели так же: худые и истощённые, одетые в лохмотья, с нищенскими мешками за плечами. Никто в здравом уме не заподозрил бы, что в этих мешках из-под картошки мы несём несколько фунтов солонины и других съедобных вещей, которые были для нас самыми ценными сокровищами на свете.

Уже по дороге домой мы не удержались от соблазна, чтобы не попробовать немного хлеба с солониной. Нам было так вкусно, что не возможно описать. Мать советовала, чтобы я не ел много, боясь, что мне станет от этого плохо. Тем временем уже начинало смеркаться, и было страшно возвращаться домой той же дорогой, по которой мы пришли в город. Поэтому мы решили свернуть на станцию в надежде попасть на поезд, который останавливался на полустанке за три километра от нашего села. Это нам сократит дорогу и там мы будем уже в более безопасном и людном месте.

Когда мы подходили к станции, мимо нас как раз проехал товарный поезд, направляясь вправо. Были видны люди, стол-

пившиеся вокруг чего-то такого на рельсах. Подойдя ближе, мы увидели лужу крови и в ней раздавленное людское месиво. Кто-то сказал, что это самоубийство: женщина с ребёнком на руках бросилась под поезд. Понемногу люди стали расходиться, а изуродованные тела матери и её ребёнка так и остались там лежать, никого больше не интересуя. Никто над ними и слезинки не пролил, и не высказал сочувствия по поводу такой трагической смерти – настолько все уже очерствели.

Мы пришли на станцию. Там тоже было полно народа – и внутри , и снаружи. Люди пришли, как и все мы, из окружающих сёл. Здесь была их последняя надежда найти что-нибудь поесть. Может, думали они, какой-то сочувствующий пассажир бросит им кусок хлеба из окна вагона. Некоторые надеялись найти здесь какую-нибудь работу. А другие принесли что-то лучшее из своих вещей, чтобы выменять их на продукты или продать за деньги. Они терпеливо сидели на цементном перроне, мокром от снега, выставив свой товар: прекрасной ручной вышивки украинскую одежду из домотканного полотна, а также густо вышитые домотканные скатерти, расшитые полотенца, вручную тканые ковры. Некоторые из этих вещей сохранялись десятилетиями или дольше в сундуках и как девичье приданное переходили из поколения в поколение. Но в то время такие ценности не находили покупателей. Тогда очень мало пассажирских поездов проезжало, а местное население ничем нельзя было привлечь, кроме подуктов. Все, кроме партийных и государственных бонз и спекулянтов на чёрном рынке, жили или впроголодь, или умирали от голода.

Большинство из тех людей, которые переполнили зал ожидания станции, пытались купить билеты на поезда в северном направлении, в Россию, где голода не было. Но их попытки были напрасны. Продавать билеты украинским крестьянам в Россию было официально запрещено, за незначительными исключениями для тех, кто имел справку, что им разрешено отлучиться из колхоза, да и то до определённого конкретного места назначения. Но всё равно голодающие испытывали своё счастье, им уже нечего было терять, да и делать тоже было нечего, тем более сейчас, когда поля, леса и реки вокруг замело глубокими снегами. Вот и тянулись они толпами к станциям,

потому что каждый поезд приносил с собой лучик надежды или хотя бы добрую весть. А главное — была надежда, невзирая на запреты, как-то уцепиться за поезд, который идёт на север. Они всё лелеяли надежду на невероятное. И готовы были броситься в дорогу хоть и на крыше поезда или под вагоном, на ступеньках, на тормозных площадках или на буферах.

Но эти мечты по большей части так и не осуществлялись. Время от времени милиция и гепеушники окружали эти толпы на станции и вокруг неё, сажали их на грузовики, как бездомных животных, и выбрасывали где-то за пределами города.

Нам повезло взять билеты на поезд, потому что мы ехали на юг, а не на север. И вскоре мы уже были в дороге домой, хоть ужасные призраки голода так и не оставили нас. В вагоне, в который мы сели, было почти пусто, поскольку мало кто ехал в южном направлении, вглубь Украины. Было много пустых мест, и вскоре после того, как мы заняли свои места, в наше купе вошла женщина с двумя маленькими истощёнными мальчиками. Они были в таком состоянии, что просто жалость одолевала! Лица у детей — кожа и кости, глаза выпученные, тупые и безразличные. И вообще выглядели они запущенными, одетые в грязное и рваное тряпье.

Когда они все втроём сели, я увидел, что женщина прижимает к груди младенца под полой сермяги и что этот ребёнок мёртвый.

— Девочка, — сказала она спокойно и без малейшего чувства. — Вчера умерла. Бедняжка, голодненькая была, всё плакала и плакала... а потом вдруг замолчала... Мы ночевали на морозе. Из вокзала нас выгнали. А холод страшный! Мальчики прятались под моей сермягой, как цыплята под квочкой...

Мы не знали, что на это сказать и только молча сочувственно смотрели на неё.

Она положила мёртвое дитя себе на колени и стала разматывать грязные тряпки, в которые оно было завернуто. Затем, будто вспомнив, что ребёнок неживой, запеленала опять, прижала к себе и осторожно прижалась щекой к холодному и застывшему личику. А потом начала плакать и приговаривать ребёнку:

— Ой, прости меня... — всхлипывала она; слёзы катились по её лицу и капали на ребёнка. — Это же не моя вина. Боже

мой, я же пыталась, я сделала всё, что могла... Они назвали меня врагом народа... Отовсюду нас выгоняли.

И тогда начала нежно обцеловывать свое дитя, её глаза, лоб, щёчки.

– Не горюй, дитя моё, ты не долго будешь одна: скоро мы прийдём к тебе, скоро ты будешь снова со своей мамой и братиками...

Моя мама не могла больше слушать её рыдания, но, боясь, чтобы и самой не расплакаться при ней, встала и пошла к выходу, кивнув, чтобы и я шел за ней. Только в тамбуре мама дала волю своим чувствам. Плача, она попросила меня отрезать три кусочка хлеба и дать этой женщине и её детям. Мы вернулись в купе, и я дал им по кусочку. Словами не описать, какое впечатление произвёл на этих оголодавших людей сам вид хлеба.

Съев половинку своего куска, а вторую спрятав для мальчиков, женщина немного успокоилась и смогла рассказать нам свою грустную историю подробнее. Это был рассказ, очень типичный для других украинских семей того времени, но непонятный для тех, кто сам не испытал таких страданий и трагедии.

Оказывается, год тому мужа этой женщины объявили кулаком и "врагом народа" и выслали куда-то на север. С тех пор никаких известий от него не было. Он так и не видел своей доченьки, которая родилась после того, как его выслали, а теперь вот лежала мёртвая на руках у матери. Мать тяжело работала в колхозе, но получила только несколько фунтов зерна и немного овощей – такую мелочь, что всё это они съели ещё до наступления зимы. Наголодавшись и намёрзшись, потеряв надежду достать у себя в селе продукты и дрова, она, поскольку имела еще немного денег, попробовала перебраться с детьми в Россию, так как слышала, что там неголодно.

Наперекор всем трудностям, она наконец добралась до станции и два дня пыталась взять билет до того города в России, куда уже выехали некоторые из её соседей. Они даже писали ей, что там нет никакого голода, подтверждая правдивость слухов. Но билет ей так и не удалось купить, ведь у нее не было необходимой справки от колхоза. А теперь, когда её доченька умерла, она решила поехать в другой город, недалеко от её се-

ла. Там, она слышала, есть какой-то приют для детей, и, возможно, повезёт пристроить в него мальчиков. А что с ней будет потом — это ей было безразлично. Главное, спасти своих двоих мальчиков от голодной смерти.

Я вышел в коридор вагона и стоял там какое-то время, глядя в окно. Поезд ритмично выстукивал по рельсам. Мимо нас проносились заснеженные поля, деревья и телеграфные столбы. Но и здесь этот спокойный пейзаж был нарушен: куда ни посмотри вдоль железнодорожных путей — толпы голодающих, которые стояли, сидели или лежали. Они издалека притащились к этим железнодорожным путям, надеясь на чудо в виде кусочка хлеба, который им кто-нибудь бросит из окна вагона. Мне не было слышно их голосов, но я видел их протянутые руки. Некоторые стояли с детьми на руках. Они поднимали их выше, чтобы пассажиры могли видеть их исхудавшие тельца, и будто моля: "Хоть крошку хлеба! Не для меня, для ребёнка!"

И я вдруг бросился к своему мешку и выхватил из него нашу начатую буханку хлеба. Там впереди я заметил женщину с двумя малышами. Для них должно произойти чудо! — подумал я. И я открыл окно, а когда поезд приблизился к ним, бросил буханку в ту сторону, где они стояли. Что случилось потом, я не видел, потому что слёзы затуманили мой взгляд.

Вскоре мы прибыли на наш полустанок. Но прежде, чем двинуться в дорогу домой, я хотел поискать для мамы какую-нибудь палку: она думала, что так ей будет легче идти. В поисках чего-нибудь подходящего, я забрёл на пристанционные склады. То, что я там увидел, до сих пор стоит у меня перед глазами. Сейчас, когда с тех пор прошло уже полсотни лет, я всё ещё ощущаю тот ужас, который меня охватил, когда я вплотную столкнулся с этим жутким зрелищем. Прямо передо мной под открытым небом лежали сложенные в кучу замёрзшие человеческие тела, будто куча дров. Некоторые трупы были совсем голые, другие — полуодетые, иные — одетые, но босые. Замёрзшие руки и ноги торчали из-под снега, как причудливо скрученные ветки деревьев. Я стоял там оглушённый, неспособный пошевелиться от испуга и ужаса. Долго я внимательно всматривался в эти человеческие трупы с протянутыми замороженными руками, которые будто все еще просили хлеба и милосердия.

Потом, прихватив какую-то палку, побежал назад к матери, дрожа всем телом, и лишь в её присутствии кое-как успокоился.

Когда мы наконец дошли до нашего дома, уже наступила ночь; но на этом наше приключение с покупками не закончилось.

Мать ещё по дороге домой казалась чем-то озабоченной и встревоженной. Когда я спросил, что её тревожит, она доверилась мне, её беспокоила анкета, которую нам пришлось заполнить, когда мы выменяли дукат в "торгсине", и тогда я тоже понял, какая опасность нам угрожает.

Крестьянство игнорировало распоряжение о сдаче всяких монет и иностранной валюты, и это привело к многочисленным арестам и пыткам в застенках ГПУ. Мы не нарушили этого распоряжения, ведь дукаты не подпадали под категорию драгоценностей. Но мы допустили ошибку, записав дукат как "монету" в бланке официальной оценки. Этот мелкий "недосмотр" мог теперь обернуться "серьёзным преступлением" против государства.

Наши опасения оправдались. Вскоре после нашего похода за покупками однажды в полдень к нам пришла большая группа сельского начальства. Она состояла из знакомых нам членов хлебозаготовительной комиссии нашей стохатки, которых на этот раз сопровождали вооружённый милиционер и председатель сельсовета. Милиционер был не наш сельский, а, очевидно, специально присланный в село районными властями. Эта личность и присутствие стольких официальных лиц подсказывали нам, что ситуация серьёзная.

Когда вся группа вошла в хату, председатель сельсовета выступил вперёд. Он заглянул в документ, который держал в руке, и прочитал оттуда вслух фамилию моей матери для выяснения личности, хоть знал мою маму очень хорошо. Затем он объявил, что по "достоверным данным", у нас есть золото, которое мы давно уже должны были сдать в государственную казну. Он сообщил нам, что милиционера прислали с приказом доставить это наше золото в райцентр. Ещё он добавил, что если мы добровольно сдадим ему золото, то всё дело будет закрыто и забыто. А наш отказ приведёт к аресту главы семьи как "врага народа".

Их требование выдать наше несуществующее золото показалось нам смешным, а мысль о том, что моя мать может стать "врагом народа" была и вовсе бессмысленной. Да и матери слишком часто приходилось бывать в таких переплётах, чтобы сейчас она растерялась. Она категорически возразила, что у нас когда-либо были золотые монеты, которые нужно сдавать государству. Она, если на то пошло, не могла бы и сказать, как эта золотая монета выглядит! В "торгсине" мы купили продукты за золотой дукат, а не за золотую монету. А обмен дуката на пищевые продукты в государственном магазине ни в коем случае не может считаться незаконным, настаивала она.

Но как бы там ни было, а председатель сельсовета приказал произвести тщательный обыск в нашей хате. Они облазили у нас все углы и закоулки, повытягивали всю одежду, заглянули под каждую крышку каждого горшка. Пересмотрели всё, заглянули всюду, но не нашли ничего. Правда, и находить было нечего, кроме второго дуката, надёжно спрятанного в нашем бывшем свинарнике.

Так что в конце концов комиссия ушла с пустыми руками, и после этого, как это ни удивительно, нас оставили в покое.